

Владимир Владимирович Напольских

РЕЦЕНЗИЯ:

Миннихметова Т. Г. «Календарные обряды закамских удмуртов».
Диссертация, представленная на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности «этнология (этнография)».

Примечание: Публикуется под лицензией Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 3.0 Unported (by-nc-nd).

В июне 1996 года в Уфе была защищена кандидатская диссертация Татьяны Гильмиахметовны Миннихметовой «Календарные обряды закамских удмуртов».

Целью диссертационного исследования Т. Г. Миннихметовой является изучение традиционных календарных обрядов и празднеств удмуртов Закамья (живущих в Башкирии и в Куединском районе Пермской области). Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX и XX век. Диссертант ставит перед собой задачи описания и анализа сохранившихся календарных обрядов и праздников, восстановления традиционного календаря закамских удмуртов, исследования семантики названий дней недели, месяцев, времен года, других природно-временных циклов; выявления следов влияния христианства и ислама на календарно-обрядовую жизнь закамских удмуртов; исследования масштабов и особенностей современного бытования обрядов среди закамских удмуртов и тенденции их развития.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Введение содержит изложение целей и задач исследования, методики, историографический обзор. В I главе представлена структура закамско-удмуртского народного календаря в целом. Во II главе рассматривается комплекс обрядов, объединяемых автором под названием «летний цикл». III глава является описанием обрядов «зимнего цикла». В IV главе анализируются термины, обозначающие отрезки времени различной протяженности, и дается перечень всех наименований месяцев, бытующих у закамских удмуртов. В заключении делаются небольшие выводы аналитического характера. Приложение представляет из себя таблицу, наглядно представляющую закамско-удмуртский ритуальный и фенологический календарь. Структура диссертации, таким образом, соответствует сформулированным во Введении целям работы и стандартным требованиям по оформлению диссертационных исследований.

Хотя, как это явствует из данной во Введении обстоятельной историографической сводки (следует отметить её полноту), календарная обрядность удмуртов Башкирии и юга Пермской области так или иначе освещалась в работах многих исследователей, на сегодняшний день не существует обобщающей работы по этой теме. Более того, с сожалением приходится констатировать, что нет сколько-нибудь серьёзной, надёжной и обстоятельной сводки по народному календарю и календарной обрядности удмуртов каких-либо других групп и – тем более – по удмуртам в целом. Следовательно, перед нами – первый опыт такого рода труда. Очень хорошо, что он посвящён описанию традиций одной локальной группы удмуртов (хотя и весьма крупной) – как показывает опыт, традиционные календарно-обрядовые циклы у разных групп удмуртов сильно различаются, и едва ли возможно говорить о существовании общеудмуртской традиции, представляющей со-

бой нечто цельное, и, соответственно, не ясно, в чём состоят особенности, определяющие своеобразие удмуртской традиции среди календарных традиций соседних народов Восточной Европы. Поэтому следует приветствовать попытку автора описать традиции одной группы без преждевременных попыток «реконструкции» (точнее было бы сказать – «конструирования») некоей «общеудмуртской» традиции – тем самым может быть заложен первый кирпич в построение тезауруса традиционной удмуртской календарной обрядности в целом. Забегая вперёд, скажу, что Т.Г.Миннихметовой удалось успешно решить эту задачу. Таким образом, научная актуальность и ценность диссертации не подлежат сомнению.

Содержание глав I–IV – подробное, основанное большей частью на полевых сборах автора (что определяет его научную новизну и оригинальность) описание календарных обрядов закамских удмуртов, их традиционной системы времяисчисления, фенологического календаря – является добротной систематической сводкой материалов, ранее не публиковавшихся или (в меньшей своей части) опубликованных в различных малодоступных изданиях. Т. Г. Миннихметовой, которая сама является носителем описываемой ею традиции, владеет закамскими удмуртскими диалектами, имеет большой опыт полевой работы среди удмуртов Башкирии и Пермской области, удалось систематизировать и представить читателю обширный и интереснейший корпус информации. Важно и отрадно, что она при этом остаётся в рамках этнографии в исконном и верном смысле термина, не пытаясь — за редкими и вполне простительными исключениями — пускаться в модные ныне пространные и бессмысленные рассуждения о «мифопоэтическом опыте тысячелетий», «экологии духа», «архаичных элементах картины мира», «дуальных оппозициях» и т.п.. Содержимое глав I–IV следовало бы рекомендовать к скорейшей публикации, впрочем, автор в подобных рекомендациях не нуждается: солидный список печатных работ (13 названий статей и тезисов) в автореферате свидетельствует, что собираемые ею данные не оседают на полках архивов.

Менее удачна аналитическая часть работы. Здесь есть, видимо, необходимость сделать некоторые комментарии.

В первой главе диссертации имеется весьма разумное высказывание: *«главная же особенность закамских удмуртов, по всей вероятности, заключается в том, что они, в массе своей, не были даже формально крещены. Благодаря этому, их духовную культуру можно рассматривать как результат особого развития дохристианской духовной культуры удмуртов»* [стр. 26]. Такая формулировка является весьма корректной и позволяет, в принципе, отойти от существующих и весьма распространённых стереотипов, согласно которым религиозно-мифологические системы некрещёных групп удмуртов (равно и марийцев и т.д.), объединяемые собирательным термином *язычество*, непременно представляют собой исключительно архаичные комплексы, сохраняющиеся в неизменном виде со времён допотопных (не случайно на страницах научной (!) литературы сплошь и рядом встречаются такие, например, дикие словосочетания как *финно-угорское язычество* – применительно не к реконструируемым элементам духовной культуры носителей финно-угорского праязыка, живших 5 и более тысяч лет назад, а к современным религиозным системам народов Восточной Европы !).

Такой подход делает честь автору. Жаль, однако, что ей не удалось придерживаться его последовательно, и в заключительной части диссертации мы нахо-

дим уже иного рода пассажи: «степень проникновения инородного влияния зависела не только от активности носителя другой культуры, но в первую очередь от самобытности и устойчивости своей культуры. Чем прочнее сохранялись в ней традиции язычества, тем ограниченнее было воздействие другой культуры» [стр. 161]. Здесь уже налицо восприятие язычества (см. выше) как явления, принципиально противостоящего всякому «воздействию другой культуры», постулируется дилемма: либо язычество, либо влияние извне.

Естественно, на базе такого подхода выстраивается следующая цепочка рассуждений: поскольку закамские удмурты не крещены и не обращены в ислам – они язычники, поскольку они сохранили язычество — их духовная культура испытала минимальное влияние извне, поскольку их духовная культура, таким образом, архаична вообще, то и «календарная обрядность закамских удмуртов почти не содержит иноэтничных напластований, она сохранила в основе национальную специфику» [стр. 161]. Трудно было бы что-либо возразить по поводу столь скользкого определения как «национальная специфика», но, к счастью (а также – и к чести и во спасение доброго имени автора, которая остаётся этнографом в лучшем смысле этого слова, и бежит общих мест и обтекаемых формулировок, предпочитая конкретику), этот вывод ниже уточняется применительно к христианству и исламу: «следы влияния христианства на обрядовую сторону закамско-удмуртской культуры ощущаются редко и не повсеместно. Видимо, это объясняется тем, что с приходом в Закамье влияние этой религии удмурты уже не испытывали» [стр. 161]; «ислам на закамских удмуртов в прослеживаемой достоверными источниками исторической ретроспективе оказал незначительное влияние, особенно на традиционно-обрядовую сферу культуры» [стр. 162].

В таком виде сделанный автором вывод прямо противоречит приводимому в диссертации материалу. В основе своей обстоятельно описанный в рассматриваемой работе годовой обрядовый цикл закамских удмуртов (речь идёт, подчеркну, именно о цикле, о способе годовой календарной организации обрядовой жизни, а не об особенностях конкретной ритуальной практики) является народно-христианским, на что указывает хотя бы простое перечисление основных точек этого цикла в сопоставлении с датами русского православного календаря: «старый» Новый год [стр. 114] – Масленица [стр. 118-] – Великий день / Пасха и пасхальная неделя с Великим четвергом и пр. [стр. 33-] – Троица и Семик, «Земля-имениница» [стр. 72-]. Здесь совпадает буквально всё — от приуроченности к определённой дате, счёта дней (см. ещё ниже) до названий (чаще всего удмуртские названия представляют собой кальки с русского, иногда – прямые заимствования) и даже – хотя и не столь ярко и повсеместно – вплоть до подробностей обрядовых действий (см., например, описание обрядов выгона скота на пастбище на стр. 58–59, полностью совпадающих с обрядами Егорьева дня у русских).

Тем более очевидным становится народно-христианский характер рассматриваемой традиции, когда речь заходит о календаре: собственно говоря, закамские удмурты пользуются в своей календарной обрядовой практике нормальным юлианским календарём, все расхождения с которым объяснимы тем обстоятельством, что, не будучи формально крещены, они не посещали церковь (чаще всего таковой и не имелось в округе – тем более, если речь идёт о советском времени), не читали церковной литературы и, естественно, не могли следовать православному календа-

рю в точности, вследствие чего были выработаны свои способы счёта дней, с сохранением в общем виде используемых в православии принципов (семь недель после первого в году новолуния — Масленица, семь недель после неё — Великий День, ещё через семь недель — Троица, Семик, «Земля-именинница»).

Следует, впрочем, сказать, что Т. Г. Миннихметова в тексте диссертации отмечает использование юлианского календаря закамскими удмуртами и сходство их системы установления дат праздников с православной («старый юлианский календарь учитывается и не забывается» [стр. 27], см. также стр. 30 и др.). Её попытка называть народный календарь закамских удмуртов не юлианским, а лунным [стр. 29 и др.] не может быть признана удачной: как пишет она сама в четвёртой главе, удмуртский «*месяц состоял из неопределенного количества дней*» [стр. 133]. Говорить о существовании *лунного календаря* при отсутствии в традиции представления о его основе — *лунном месяце* (то есть — определённом количестве суток, соответствующем полному лунному циклу) никак нельзя (см. ниже о возможном влиянии мусульманского лунного календаря на систему счёта дней закамских удмуртов).

Примерно так же обстоит дело и с влиянием ислама. Безусловно мусульманское происхождение имеют представления закамских удмуртов о неделе [стр. 29, 34, 128-], на что указывает, во-первых, происхождение удм. *арня* «неделя» < чуваш. *эрне* «неделя» < перс. *ādi-ne* «пятница», во-вторых – почитание пятницы как праздничного, главного на неделе дня (закамск. удм. *арня нунал* «пятница», букв. «недельный день» является калькой с названия пятницы в тюркских языках Поволжья: тат. *атна көн*, чув. *эрне кун* и т.д. и соответствует исконному значению перс. *ādi-ne* «пятница»).

На стр. 131 имеется невнятное упоминание о «*переходе на семидневную неделю под влиянием христианства*». Что здесь имеется в виду, автор не пояснила, если она всерьёз предполагает былое существование у закамских удмуртов несемидневной (пятидневной — ?) *недели* (в пределах Евразии, насколько мне известно, это был бы уникальный феномен), это следовало бы хоть как-то обосновать. Почитание пятницы как главного дня в данном случае ничего не значит: мусульманская неделя, естественно, тоже семидневная.

Весьма вероятно, что влиянием мусульманского лунного календаря объясняется отсчёт недель от Нового года до Масленицы и далее от первого новолуния в году.

Говоря о происхождении культа *керемета* у удмуртов [стр. 89–90] – явно имеющего мусульманское (точнее было бы сказать «народно-мусульманское», по аналогии с *народным христианством*) происхождение – автор приводит нелепую этимологию из работы более чем столетней давности («слово это еврейского происхождения и означает местность, огороженную или имеющую деревья – сад»), между тем происхождение этого слова в языках Поволжья и Приуралья не представляет проблемы, оно происходит, в конечном счёте (через тюркское посредство) от араб. *karāmat* «чудо, сверхъестественная сила святого».

Теперь можно было бы ограничиться стандартной фразой о том, что сделанные замечания не умаляют научной ценности диссертации и т.д. — тем более, что это действительно так – тем не менее хочу сказать о другом, а именно: сделанные

выше *наблюдения* (так, пожалуй, точнее, чем *замечания*) стали возможны благодаря проделанной Т. Г. Миннихметовой огромной работе по сбору и систематизации интереснейшего материала по календарным обрядам закамских удмуртов, представляющей собой первый опыт такого рода исследования в удмуртоведении. В связи с этим хотелось бы просить автора, переработав, а, может быть, и просто устранив мало значащую часть диссертации, содержащую обсуждённые выше выводы, как можно скорее подготовить свой труд к печати, а всех, от кого это может зависеть – способствовать его публикации. Значимость такой книги выходила бы далеко за рамки науки об удмуртах, поскольку, как я попытался показать выше, в лице традиционного обрядового календаря закамских удмуртов мы имеем одно из звеньев в цепи своеобразнейших феноменов, возникших в результате взаимодействия народно-христианских, мусульманских и локальных «языческих» традиций, протянувшейся от крайнего запада Европы до Урала, и заходящей отчасти и в Сибирь.